

Ислам, демократия и права человека

Рашид Г. Абдулло

Политолог, Душанбе, Таджикистан

Как представляется, организаторы конференции, именно так формулируя тему для данного выступления, по всей видимости, имели в виду необходимость определиться с тем, насколько ислам как религия, система идеологических, социальных и политических концепций, наконец, как образ жизни, совместим с демократией и соблюдением прав человека. В таком ракурсе эта тема предполагает несколько академический подход. Но так как в выступлениях профессора Малашенко и д-ра Ризо Назархари соответствующий академизм представлен достаточно полно, я хотел бы остановиться на практических вопросах.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что в том, как организаторы конференции сформулировали тему для выступления, вольно или невольно, но все же достаточно четко отражается ставшая доминирующей в общественном сознании немусульманского мира убежденность в том, что ислам как религиозная, социальная и политическая система, несовместим с демократией и соблюдением прав человека. От данного убеждения всего лишь шаг до выводов

о том, что современный мир разделен на светлое царство добра, которому органично присуща забота о развитии и укреплении демократии, о человеке и его правах, и темное царство зла, где всего этого нет, и что царство света и добра должно обязательно вести непримиримую борьбу с царством тьмы и зла всем наличествующим у него арсеналом наисовременнейших средств ведения такой борьбы, от информационных до ракетно-бомбовых.

Сложившийся за многие столетия и получивший после 11 сентября 2001 г. импульс к еще «большему развитию» стереотип восприятия немусульманским миром мусульманских стран, самих мусульман и ислама, в целом, вполне однозначно относит их ко второму из этих царств и одновременно отказывает им в цивилизованности. Ярким примером подобного мышления на высшем политическом уровне стали скандально известные высказывания итальянского премьера Сильвио Берлускони, суть которых сводилась к тому, что ислам и сама идея развития цивилизации - вещи несовместимые, а также недавние высказыва-

ния одного из американских законодателей, содержавшие призыв к запрещению ислама как религии. Буквально две-три недели тому назад, когда интифада в Палестине и противостояние сторон достигали высшей точки, когда саудовский наследный принц Абдалла выдвинул свою мирную инициативу, в тех же самых США стали раздаваться жесткие требования о том, чтобы школьные программы, программы университетов, и даже программы исламских учебных заведений в мусульманских странах, в частности в Саудовской Аравии были кардинально изменены в том направлении, которое соответствовало бы интересам, естественно, демократии, антитеррористической борьбы и пр. Понятно, подобные требования обусловлены не только заботой о демократии, правах человека, целями антитеррористической борьбы. Здесь скорее присутствует забота неисламского мира о собственных интересах, в том числе и в исламском мире. Реакцию и Саудовской Аравии, и других мусульманских стран было нетрудно предсказать. В СМИ (средства массовой информации) араб-

Islam, Democracy and Human Rights

Rashid G. Abdullo

Political analyst, Dushanbe, Tajikistan

It appears that the organizers of this conference, by suggesting this particular topic and context for my presentation, tried to assess to what extent Islam, as a religion and a system of ideological, social and political concepts, and finally as a way of life, is compatible with democracy and human rights. Viewed from this angle this topic suggests an academic approach. But since the presentations made by Prof. Malashenko and Dr. Reza Nazarahari provided a wide theoretical background, I would rather deal with practical questions.

Meanwhile, it is worth noting that this same choice of topic and context, either by omission or by commission, reflects the dominant prejudice in the non-Muslim world that Islam as a religious, social and political system is irreconcilable with democracy and human rights. There is just one step from this prejudice to the conclusion that the world is divided into two realms: the blessed Realm of Good that by virtue of its mission is the guardian and protector of progress, democracy and human rights; and the Dark Side, the Realm of Evil, devoid of all these virtues. The Realm of Good, with its arsenal of mo-

dern means, ranging from the sophisticated information network to ballistic missiles, is destined to wage a never-ending war against the Realm of Evil and Darkness.

There is a century-old stereotype that the non-Muslim world applies to Islamic countries, nations and religion. Further enhanced after 11 September 2001, this stereotype unequivocally places Islamic countries, peoples and faith in the Realm of Evil. Scandalous statements by Italian Prime Minister Sylvio Berlusconi, who practically proclaimed Islam to be incompatible with the progress of civilization, and recent remarks by a US congressman calling for a ban on the Islamic religion, could serve as telling examples of this kind of thinking amongst the political elite. Recently, when the Intifada in Palestine and the confrontation between the parties to the conflict reached boiling point, and the Saudi Prince Abdallah put forward his peace initiative, there were persistent calls and demands in the US to drastically change school and university programs - and even those of Islamic education institutions - in the Muslim countries, particularly in Saudi Arabia, so as to ad-

just them to what they referred to as the interests of democracy; the anti-terrorism campaign etc. It is obvious that such demands are not merely based on a wish to protect democracy and human rights. Neither are they accounted for by the goals of the war against terrorism. Rather, they are meant to protect the interests of the non-Islamic world, including its interests in the Muslim countries. It was not hard to foretell the reaction of Saudi Arabia and other Muslim countries. Mass media in the Arab countries started to speak openly about the rebirth of the spirit of colonization, colonial dictate, etc. One can guess what the reaction of people living in non-Muslim countries would have been if, for example, acting in the name of their countries, their world and their Islamic civilization, the state or religious leadership of Saudi Arabia, Iran, Iraq or another Muslim country had put forward similar strict demands. How would American or European ministries of education, universities or theological education institutions react to demands to drastically change their curriculum with a threat of oil embargo, withdrawal of their assets from Western banks, etc?

ских стран стали прямо говорить о возрождении духа колониализма, колониального диктата и т.п. вещах. Интересно, какой была бы реакция общественности в немусульманских странах, если бы, например, руководители той же самой Саудовской Аравии, Ирана или Ирака, других стран, или виднейшие богословы мусульманского мира жестко потребовали в интересах своих стран, своего мира, своей исламской цивилизации, скажем, от американских или европейских министерств образования, университетов, или духовных семинарий и академий кардинально изменить свои программы и сопроводили бы эти требования угрозой наложения нефтяного эмбарго, изъятия своих авуаров из западных банков, принятием других аналогичных мер и т.д.

Опасность проведения подобным образом линии водораздела между добром и злом для политической стабильности и безопасности в современном мире вполне очевидна, ибо от него также всего лишь один шаг, ну, может быть, два шага до выдвигания обвинений в том, что мусульмане и мусульманские страны являются врагами демократии и злостными нарушителями прав человека, следовательно, вполне правомерно применять к ним любые, вплоть до вооруженных, корректирующие в нужном нап-

равлении меры. Вместе с тем, в проведении таких разграничительных линий нет ничего нового. Оно вполне адекватно отражает реальное и всегда существовавшее на протяжении обозримого прошлого и настоящего времени явление, как столкновение цивилизаций. В этом плане Хантингтон не открыл ничего нового. Будучи реалистом и, как представляется, честным человеком, он просто назвал существующие в современном мире вещи своими именами. И все же постановка вопроса — ислам, демократия и права человека — может иметь позитивный смысл и значение, но лишь в том случае, если наполнить его вполне конкретным и актуальным для большей части постсоветского пространства содержанием, и оно бы звучало, скажем, таким образом — как в регионе реализуется право мусульман, в том числе и на свое исламское или на худой конец, исламизированное образование, на создание исламских образовательных и культурных центров, на то чтобы иметь свободный доступ к получению такого образования, там, где они желают этого; как реализуется в регионе право мусульман иметь свои исламские политические партии и организации?

Исламское (или исламизированное) образование.

Конечно, за последние десять лет произошли определенные позитивные подвижки в развитии системы подобного образования в Центральной Азии. Нельзя не видеть, что постепенно, хотя и не без проблем, расширяется сеть исламских учебных заведений, складывается более или менее стройная восходящая система исламского образования, в которой имеется несколько звеньев. Первым из них является звено начального образования, где-то на уровне семьи, а также, соответствующих занятий при мечетях. Следующее звено — это региональные медресе в каждой из центрально-азиатских стран. Наконец, высшее звено, исламские институты. На страницах исламских периодических изданий, по крайней мере, в Таджикистане, активно обсуждаются проблемы формирования наиболее рациональных учебных программ, освоение которых давало бы систематические знания в базовых отраслях исламских наук и, одновременно, способствовало бы формированию в студенте личности, хорошо ощущающей себя в современном высокотехнологичном и информационно насыщенном мире, формированию личности, способной к осознанному и рациональному выбору в

It is obvious that drawing such a division between Good and Evil jeopardizes political stability and security in the modern world. There are just one or two steps from this division to direct accusations that Muslims and the Muslim countries globally assault democracy and human rights, and it is therefore fully justified to take any kind of 'corrective' measures against them, military actions included. Yet there is nothing new about attempts to draw divisions of this kind. In fact, this adequately reflects a real, ever-present phenomenon: the clash of civilizations. In this sense, Samuel Huntington has made no discovery. Being a realist and, so it seems, an honest researcher, he simply called modern phenomena by their true names. Yet this topic and the context it is viewed in - Islam, democracy and human rights- can still acquire a positive connotation if filled with a concrete and practical content, applicable to a considerable part of the post-Soviet territory. It could focus on problems like the realization of the right of Muslims in the given region to receive Islamic education, or at least their right to receive Islam-oriented education, as well as their right to establish Islamic cultural centers, Islamic political parties and organizations.

Islamic (or Islam-Oriented) Education.

There is no question that during the last ten years there have been certain positive changes in this field in Central Asia. It is beyond doubt that gradually, though not always smoothly, the network of Islamic education institutions is being enhanced, and an orderly system of Islamic education is being established that consists of several levels. The first level is primary education given within families and at mosques. The next level is secondary education at regional madrasah schools that exist in every Central Asian country. Finally, university-level education is provided by Islamic institutes and university departments. In Tajikistan at any rate, Islamic periodicals and publications keep up a lively discussion on how to improve educational programs and curriculums so as to give students systematic instruction in the basics of Islamic sciences and at the same time make them comfortable in the modern world with its high technology and sophisticated information network, eventually enabling them to make a conscious and free choice in our world that defies unification.

Alongside the existing progress, there are still a number of difficulties. In particular, this relates to the right of Muslims to diversify the sources and alternative branches of their edu-

cation, if one is at all justified to use such terminology in Central Asia. The problem here is that the very idea of such diversification stumbles upon misunderstanding at best, vigorous resistance and opposition at worst. This opposition, disguised as a public concern with the possible consequences of such a diversification, finds its public expression in the mass media. There have recently been a number of publications on this issue, including one by Bashkirian writer Yuri Razgulyaev. The headline speaks for itself: "Islamic Education in the Kyrgyz Republic as the Source of Extremism and Tension". Another publication, one by Natalya Shestak (an author from Almaty if I am not mistaken) had the peculiar headline "Dangerous Games on the Roof of the World". Both publications were provoked by the announcement that a regional department of the University of Central Asia opened in the city of Narin, sponsored by the Fund of Agha Khan IV, the religious leader of the Nizari Isma'ili sect.

Probably the publication by Yuri Razgulyaev can be more revealing within the context of the problem discussed here. It draws attention because it openly and directly expresses an opinion that the developing of the system of Islamic education in the Kyrgyz Republic (it seems that the author also has other Central Asian countries in mind) represents a clearly

нашем, сопротивляющемся унификации мире.

Однако, наряду с подобными подвижками, существуют и трудности. В частности, это касается права мусульман на диверсификацию источников образования, если допустимо использовать подобную терминологию, в Центральной Азии. Трудность и проблема заключаются в том, что даже сама идея подобной диверсификации наталкивается, в лучшем случае, на непонимание, а в худшем, на жесткое сопротивление и даже неприятие. Свое публичное выражение это неприятие, закамуфлированное под некую общественную обеспокоенность возможными последствиями подобной диверсификации, находит в средствах массовой информации. За последнее время в различных СМИ появился целый ряд подобных публикаций, в частности, публикация бишкекского автора Юрия Разгуляева под весьма характерным заглавием «Исламское образование в Киргизстане становится источником экстремизма и напряженности», публикация Натальи Шестак, кажется, из Алматы, также озаглавленная весьма характерно: «Опасные игры на крыше мира». Информационным поводом для появления обеих публикаций стало сообщение об открытии в Нарыне регионального отделения Университета Центральной Азии, финансируемого

Фондом Ага Хана IV. Карим Хан Ага Хан IV является духовным главой исмаилитов-низаритов.

Вероятно, наиболее показательной в контексте рассматриваемого вопроса является публикация Юрия Разгуляева. Она интересна тем, что в ней прямо и без обиняков говорится о том, что развитие системы исламского образования в Киргизии (мне кажется, что автор имеет в виду не только свою республику) представляет прямую угрозу спокойствию и стабильности в стране. Это следует как из заголовка публикации, так и из самого текста. В ней автор подвергает сомнению целесообразность сотрудничества властей страны, различных структур, как правительственных, так и неправительственных, с международными спонсорами, так или иначе связанными с исламским миром, в создании в стране образовательных учреждений вообще, и религиозных учебных заведений, в частности. Наконец, им ставится под сомнение и целесообразность обучения молодежи в мусульманских странах. По сути дела, в публикации проводится мысль о необходимости отказа мусульманам Киргизии в законном праве получать такое образование, которое они хотят, и там, где они желают.

Пикантность всех разговоров об опасности для стабильности на постсоветском прост-

ранстве получения исламского и исламизированного образования, появления на этом пространстве учебных заведений, поддерживаемых спонсорами из мусульманского мира, о возможности получения желаемого образования в мусульманских странах заключается в том, что они носят до странности односторонний характер. Почему-то, например, не высказывается каких-либо опасений по поводу возможных неприятностей для страны, когда речь идет о развитии образования на иной идеологической основе, либерализма, например, или протестантизма, или католицизма, какого-либо иного изма, когда речь идет о создании учебных заведений при поддержке спонсоров из немусульманского мира, о возможности получать образование в немусульманских странах, хотя сама возможность возникновения таких неприятностей весьма высока. Более того, стоит лишь только выразить некое сомнение, с точки зрения возможных негативных последствий для стабильности в странах региона, в рациональности обучения, скажем, где-нибудь на Западе, или целесообразности функционирования американского университета в Алматы, или славянского в Бишкеке, как сразу можно получить обвинения в недемократичности, стремлении нарушить законные права индивида и т.д. и

present danger to the stability of the country. This can be discerned both in the headline and in the article itself. The author questions the expediency of cooperation of the state authorities, various governmental organizations and NGOs with international sponsors, directly or indirectly tied to the Islamic world, in the field of education in general and religious education in particular. Last but not least, he questions the expediency of sending young students abroad to receive their education in Muslim countries. In plainer words, the publication denies Kyrgyz Muslims their right to choose what kind of education they want to receive and where they want to study.

One is struck by a peculiar bias in all these speculations about threats to the stability of the post-Soviet territory brought about by Islamic and Islam-oriented education, with the establishment of corresponding institutions sponsored by the Muslim world, and the possibility for students to study in the Muslim countries. Nobody seems concerned about the possible negative consequences to a country when it comes to a different education ideology, such as liberalism, Protestantism, Catholicism or any other "ism", to give but a few examples. It is perfectly right to establish various education institutions sponsored by the non-Muslim world or to receive education in non-Muslim countries,

although it is common knowledge that there is a high probability of certain "negative consequences" there as well. Moreover, if anyone were to try to cast a shadow of doubt upon the expediency of establishing the American University in Alma-Ata, or the Slavonic University in Bishkek, or merely to hint at any possible negative consequences to the stability of the countries in the given region, they would right away be accused of encroachment against democracy and human rights. Isn't this a double standard? If one is justified to speak about indoctrinated systems of education as a source of tension and a destabilizing factor in Central Asia, or about alleged threats to regional stability coming from Islamic education, i.e. from the facts that young people can now study in Islamic countries and that the establishment of Islamic education institutions is sponsored from abroad, it should be equally justifiable to point out a regional stability threat coming from educational systems based on other ideologies, financed by other sponsors, and the problems that could emerge when students from this region are sent to study in non-Muslim countries.

The all-round purposeful implantation of extrinsic non-traditional political and educational standards and values into Muslim countries that do not yet have all the necessary objective and subjective conditions for

their functioning and perception inevitably takes the form of aggressive annihilation of the existing system of standards and values. This inevitably provokes active resistance that may take various forms, armed struggle included. As phenomena of this kind, one can mention the intellectual and armed opposition to a similar systemized invasion of Central Asia in the 1920s and 30s, opposition to the westernization of Iran that took the shape of an Islamic revolution, and the national and Islamic resistance against the Soviet ideological, political and military presence in Afghanistan in 1979-1988. There is no doubt that the emergence of those two publications, and many other ones in which the above-mentioned issues are discussed, is accounted for by a number of factors, such as competition between regional powers and a clash of interests. However, the study of these factors is beyond the framework of this presentation.

Islamic Religious Organizations and Parties.

Ever since 11 September 2001 it has been widely discussed that one of the main conditions for political stability in each and every country of our region is proper use of various freedoms, including the freedom of religious belief, the freedom to establish various religious organizations, Islamic public organizations, move-

т.п. Т.е. налицо двойной стандарт. Если говорить об идеологизированных системах образования как источнике возникновения напряженности и дестабилизации ситуации в нашем центрально-азиатском регионе, то в той же мере, в какой такая возможность соотносится с исламским образованием, созданием образовательных учреждений при исламском содействии извне, обучением в мусульманских странах, было бы справедливо соотносить подобную возможность и с получением образования, базирующегося на иных мировоззренческих основах, созданием учебных заведений при поддержке иных спонсоров, обучением в неисламском мире.

Массированное и целенаправленное внедрение извне нетрадиционных для мусульманских стран систем, норм и ценностей— образовательных, политических и пр., когда для их функционирования и восприятия еще не сложились необходимые объективные и субъективные предпосылки, неизбежно обретает характер агрессивного отрицания уже существующих систем, норм и ценностей, что с такой же неизбежностью обуславливает возникновение активного ему сопротивления. Оно может принимать самые различные формы — вплоть до открытой вооруженной борьбы. Интеллектуальная и вооруженная оппозиция по-

добной системной инвазии в бывшей Средней Азии в 20-30 гг., оппозиция массированной вестернизации в Иране в форме исламской революции, национально-исламское сопротивление чрезмерному советскому идеологическому, политическому и военному присутствию в Афганистане в 1979-1988 гг. во многом представляются явлениями одного порядка. Появление упомянутых и многих других схожих по своей направленности публикаций, конечно же, обусловлены и целым рядом иных факторов, среди которых не на последнем месте находится соперничество больших держав в регионе и столкновение их национальных интересов. Однако, рассмотрение этих факторов выходит за рамки предписанной темы.

Исламские религиозные организации и партии.

После 11 сентября повсеместно и много говорится о том, что, помимо всего прочего, возможность пользоваться различными свободами, в том числе свободой вероисповедания, создавать различные религиозные и, конкретно, исламские общественные организации, объединения движения, политические партии является одним из важнейших условий обеспечения политической стабильности в каждой из стран региона. В том, что касается

свободы вероисповедания, то, слава Богу, в регионе пока никто на нее не посягает, по крайней мере, открыто. Вместе с тем, совсем иначе обстоит дело с вопросом о создании и беспрепятственном функционировании, естественно, в рамках законов каждой из стран региона, общественных объединений и политических партий религиозного характера. Здесь, к сожалению, существуют проблемы - и немалые.

Абсолютное большинство населения Центральной Азии исповедует ислам. Совершенно естественно, что какая-то его часть полагает, что ее интересы, в том числе и политические, наиболее полно может выразить лишь исламская политическая партия. Здесь возникает вопрос: как быть с этим явлением? В принципиальном плане возможны следующие решения:

- признать очевидную реальность и позволить упомянутой части населения реализовать эти свои устремления;
- видеть данную очевидную реальность, но действовать прямо в противоположном направлении — активно препятствовать той части населения, которая желает реализовать свое право на создание объединений и политических партий религиозного характера, зачастую декларируемое как их

ments and political parties. As far as the freedom of worship is concerned, thank God, there is at least no open opposition to it in our region. But this is not the case when it comes to the establishment and unimpeded operation of religious public organizations and political parties, which, no doubt, should be in keeping with the laws of each country of the region. Unfortunately, there are big problems in this field even when all the corresponding laws are respected.

The absolute majority of the population in Central Asia adheres to Islam. It is but natural that a certain part of this population assumes that an Islamic political party could best represent its interests. One is tempted to ask how to deal with such a phenomenon.

- We can accept it as objective reality and allow the above-mentioned part of the population to realize its aspirations.
- We can see this reality and still move in an opposite direction, i.e. actively impede and hamper the efforts by the part of the population that tries to realize its right (a constitutional right as it is often declared) to establish religious political parties and organizations.
- We can turn a blind eye to this phenomenon.

How to make the right choi-

ce? What should be the argument behind it? What are the criteria to use? It is quite obvious that one of the main tasks and challenges each country of Central Asia faces today is strengthening its independence, making it irreversible, so that a country, due to its own mistakes or external factors, shall not be misled and committed to oblivion. It should be noted that while on all other issues various public organizations and political groups may have different views and even serious contradictions, when it comes to the protection of statehood, sovereignty and independence of their countries, all, or at least the majority of them, agree on this point. If the aforesaid is true, and I am sure it is, the decision-makers should first and foremost take into account how the envisaged decisions or the choices they are about to make could affect the process of independence and nation building in their countries. They should also try to assess whether these decisions could jeopardize the integrity of their countries by handing certain levers to those external forces that do not seek to strengthen the sovereignty of these countries and could play on domestic difficulties.

If one is governed by this criterion in approaching the problem of religious political parties in our region, Islamic parties in this case, the last of the three options listed above

should be dismissed right away. A problem does not cease to exist if one turns a blind eye to it. It continues to be a problem that requires a solution. Moreover, an indifferent attitude to an existing problem makes one lose touch with reality and thus lose control over the situation. This can bring about grave consequences for the country in question. Deliberate confrontation with reality and attempts to solve the given problem by the use of force and through repressive measures is no less dangerous. In such cases the problem not only remains unsolved but is corked deep inside, acquiring an illegal underground status. Soon it reaches a confrontational deadlock, from which a way out could hardly be found. Therefore this option is, firstly, strategically fruitless, and, secondly, it paves a way for the interference of external forces seeking to play on domestic contradictions, tensions and difficulties. In this respect it is even more destructive than the third option. In the long run, it represents a clear and present danger for the independence of the country that chooses this option. It would thus be prudent not merely to recognize in theory the right to establish religious political parties in our region, but also within reasonable limits, not to impede and hamper the aspirations of Muslims to put this right into practice. It is no secret that these aspirations do exist. If the deci-

незыблемое конституционное право;

- делать вид, что такой проблемы не существует вовсе.

В чем состоит правильный выбор? Как его определить? Какими критериями руководствоваться? Вполне очевидно, что одной из главнейших, если не самой главной задачей, стоящей перед каждым государством Центральной Азии на нынешнем этапе, является задача укрепления собственной независимости, придания ей необратимого характера, чтобы страна не канула в небытие, в том числе и по причине допущенных ошибок. Причем, если по всем другим вопросам различные общественные группы, политические силы могут иметь серьезные разногласия, то в этом вопросе, в вопросе сохранения своих стран в качестве независимых и суверенных государств, все они или, во всяком случае, большинство из них придерживаются идентичных позиций.

Если это так, а дело обстоит именно таким образом, то это означает, что при принятии тех или иных решений следует задуматься над тем, как планируемое решение, планируемый выбор скажется на процессе укрепления независимости страны: не приведет ли оно к расколу страны, не даст ли оно рычаг в руки внешним силам, незаинтере-

сованным в укреплении ее самостоятельности, для манипулирования внутренними трудностями.

Если подходить к решению проблемы существования в странах региона политических партий религиозного характера, т.е. исламских партий, руководствуясь именно этим критерием, то можно сразу отметить третью из вышеназванных возможностей выбора. Ведь оттого, что проблему предпочитают не замечать, она никуда не исчезает. Она остается и продолжает требовать принятия того или иного решения. Более того, индифферентное отношение к проблеме ведет к утрате связи с реальностью, утрате контроля над ситуацией, что потенциально чревато немалыми бедствиями для страны. Не меньшими, если не большими бедствиям чревата сознательная конфронтация с реальностью, попытки решения данной проблемы сугубо силовыми, репрессивными мерами. В подобных случаях проблема не столько решается, сколько загоняется внутрь, или, что еще хуже, в подполье. Она быстро приобретает черты противостояния, выход из которого будет весьма непростым. Следовательно, такой выбор в долговременном плане, во-первых, бесперспективен, а во-вторых, в еще большей степени, нежели в уже рассмотренном третьем вари-

анте, позволяет осуществлять вмешательство извне и играть на противоречиях, которые решаются таким образом, играть на внутреннем расколе. В конечном итоге, данный вариант выбора решения создает серьезную угрозу независимости страны. Таким образом, самым разумным решением было бы не только признать право на возможность создания и дальнейшего функционирования в странах политических партий религиозного характера, но, насколько это возможно, не препятствовать стремлению мусульман, а оно, как все сидящие здесь хорошо знают, существует, реализации данного права. Буде такое решение принято, если к тому создались необходимые предпосылки, то оно, в конечном итоге, несомненно, скажется позитивно на укреплении независимости страны, на сохранении ее, вообще, в качестве государства. Кроме того, подобное решение принесет стране несомненные политические и финансовые дивиденды, ибо он дает возможность обрести столь ценное в наше время имидж демократического государства.

Пример Таджикистана, в котором в рамках реализации Общего Соглашения об установлении мира и национального согласия в стране, 5-летие которого отмечается в нынешнем году, был снят запрет на функционирование

sion-makers do adopt such an approach, eventually it shall have a positive effect on the strengthening of the independence and statehood of the country. Besides, such an approach would create a lot of political and financial advantages, for it helps to shape an image of a democracy that is so important and valuable in our days.

The positive experience of Tajikistan speaks for itself. It has lifted the ban on the functioning of religious political parties belonging to the former united opposition block, the Islamic Renaissance Party of Tajikistan (IRPT) included, within the framework of the General Agreement on the Establishment of Peace and Civil Accord signed five years ago. From the late 1980s until 11 August 1999, when this important decision was made, the country followed an evolution path. It started by altogether ignoring the existence of religious political parties. The next steps were the establishment of the IRPT, its legalization, followed by yet another ban in June 1993, and another legalization in 1999. It should be noted that the decision to lift the ban on the functioning of opposition parties had been preceded by the joint efforts of the Commission on National Reconciliation (CNR) and members supported by international organizations, the UN and its Permanent Mission to Tajikistan in particular, to improve the

existing legislation through an amendment to the Constitution of Tajikistan (p.28), as well as efforts to jointly draft the new laws on "Public Organizations in Tajikistan" and "Political Parties in Tajikistan". These new laws regulate the operation and activities of religious public organizations and political parties. In the course of heated discussions that accompanied the drafting of these laws and amendments to the Constitution, many concerns of various parties were taken into consideration.

What was it that helped to find a positive solution to the existing problem? To a great extent it was fact that the years of confrontation in 1992-1997 made the Tajik civil society understand one important truth: that further confrontation is a threat to the independence and sovereignty of the country and could result in the loss of its statehood. The entire history of the 20th century made the Tajik nation recognize yet another harsh truth: without a Tajik state, the Tajiks as an ethnic group are doomed to extinction. Today the IRPT openly operates and participates in the political life of the country. There are no legal restrictions on its publications or its participation in national elections. The party contributes positively to the governing of the country; it has representatives in the parliament and the government. Members of this party actively participate in various forums, conferen-

ces, round table discussions, seminars, and in general, in the normal daily life of the country. All these developments enabled Tajikistan to move away from the edge of the precipice and to avoid disaster.

To achieve the civil accord and the preconditions to build relations through dialogue that Tajikistan now has, it had to follow a long and thorny path. The country paid a high price for the experience it has today. Is there any reason why our neighbors in the region should cover the same path? Would not it be more prudent to learn from our experiences and avoid making the same mistakes?

партий - в их числе и Партии Исламского Возрождения Таджикистана (ПИВТ)- входивших в бывшую Объединенную таджикскую оппозицию, является в этом плане показательным. За период с конца 80-х годов и до 11 августа 1999 года, когда это решение состоялось, республика прошла весь путь от игнорирования проблемы политических партий религиозного характера до создания ПИВТ, ее легализации, запрета в июне 1993 и повторной легализации в 1999г. Следует отметить, что решению по снятию запрета на деятельность оппозиционных партий предшествовала разработка совместными усилиями сторон Комиссия по национальному примирению (КНП) при поддержке международных организаций, прежде всего ООН и ее миссии в Таджикистане (МНООНТ), поправки к Конституции РТ (ст. 28), а также разработки новых Законов Республики Таджикистана (РТ) «Об общественных объединениях в РТ» и «О политических партиях в РТ», позволявших организацию и функционирование в стране общественных объединений и политических партий религиозного характера. В ходе напряженных дискуссий по кругу вопросов, связанных с разработкой этих законов и поправок к Конституции, были сняты или развеяны многие взаимные опасения сторон.

Что позволило найти поло-

жительное решение реально существовавшей проблеме? В немалой степени сформировавшееся за годы противостояния у руководства противоборствовавших в 1992-1997гг., сторон, у всего таджикского общества, понимание одной простой истины: дальнейшее противостояние угрожает ослаблением независимости и суверенитета страны, реальной перспективой ее утраты. Весь опыт 20 века подвел таджиков и к осознанию другой жесткой истины: вне рамок своего государства они обречены на исчезновение в окружающем мире как этнос. Сегодня ПИВТ открыто осуществляет свою политическую деятельность: на легальной основе издает свою периодику, активно участвует в выборном процессе, вносит свой позитивный вклад в управление страной, в том числе и через своих представителей в парламенте и правительстве страны. Представители партии принимают активное участие работе разных форумов – конференций, круглых столов, семинаров, в повседневной жизни общества. Все это позволило республике отдалиться от края пропасти, сразу за которым было небытие.

Таджикистан прошел весь путь к тому, что он имеет сегодня – общественное согласие, условия, когда возможно выстраивать взаимоотношения в режиме диалога. Этот путь был тернистым, и за то зна-

ние, которое он имеет сегодня, он заплатил очень дорого. Так стоит ли нашим соседям повторять весь этот путь, не проще ли извлечь нужные уроки из его опыта и не повторять еще раз уже имевшие место ошибки?